

Научная статья
УДК 811.161.1'37
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-110-117>

СУДЬБА ПОСЛОВИЧНЫХ ИДЕЙ И МОТИВОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ: СТАБИЛЬНОСТЬ И ВАРЬИРОВАНИЕ

**Елена Ивановна
Селиверстова**

Санкт-Петербургский государственный
университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e.seliverstova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>

Аннотация. Постановка вопроса обусловлена наличием в сборниках паремий Петровского времени единиц, не только впоследствии не утраченных, но, наоборот, получивших дальнейшее развитие по линии структурного и лексического варьирования либо претерпевших иные изменения – в семантической трактовке пословицы, условиях ее употребления и т. д. Сопоставление паремического фонда, зафиксированного источниками XVIII в. – собраниями Петровской галереи, В. Н. Татищева, А. И. Богданова, П. Ф. Симони, с данными собраний пословиц более позднего времени – В. И. Даля, И. М. Снегирева и др. – во-первых, позволяет, увидеть результаты отбора носителями языка и культуры наиболее ярких из имеющихся и семантически емких единиц; во-вторых, обнаружить явления вариативности паремий и попытаться выявить причины появления различного типа вариантов и их возможности приспособиться к меняющимся языковым условиям; в-третьих, случаи сокращения вариативной парадигмы паремии и кристаллизации ее смысла в виде наиболее удачной в содержательном и формальном отношении версии изречения. Как показывает анализ, процесс «выживания» паремий сопровождается рядом особенностей: одни сохраняются до наших дней в уже известном в XVIII в. виде (*Дитя не плачет – мать не понимает*), другие со временем исчезают (*Ярко желают, да руки поджимают*). В пословицах появляются новые компоненты, конкретизирующие образ (*Стар борозды не испортит – Старый конь борозды не испортит*) и проясняющие их семантику (*Старый [ворон] не каркнет мимо*), наблюдаются отклонения от первоначального вида в грамматической форме слов-компонентов (*Не держи сто рублёв, а держи сто друзей → Не имей сто рублей, а имей сто друзей*) и синтаксической структуре целого (*На битом два небитых дают → За битого двух небитых дают*) и др.

Ключевые слова: пословица, Петровская эпоха и современность, вариант, мотив, идея, семантическое развитие, стабильность.

Для цитирования: Селиверстова Е. И. Судьба пословичных идей и мотивов петровской эпохи: стабильность и варьирование // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 110–117. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-110-117>.

Сведения об авторе: Е. И. Селиверстова – профессор, доктор филологический наук, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., д. 7-9-11

Scientific Article
UDC 811.161.1'37
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-110-117>

THE FATE OF THE PROVERB IDEAS AND MOTIVES OF PETER THE GREAT'S ERA: STABILITY AND VARIATION

Elena I. Seliverstova

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
e.seliverstova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>

Abstract. The question is raised by the fact that in the collections of proverbs of the Peter the Great era there are units, which not only have not been subsequently lost, but, on the contrary, have been further developed through structural and lexical variation, or have undergone other changes - in the semantic interpretation of the proverb, the terms of its use, etc. Comparison of the paroemic fund presented in the sources of the 18th century – the collections of the Petrovsky Gallery, V. N. Tatishchev, A. I. Bogdanov, P. F. Simoni, with the data of collections of proverbs of a later time – V. I. Dahl, I. M. Snegirev and others – firstly, allows you to see the results of the selection by native Russians of the most striking of the available and semantically capacious units. Secondly, it allows you to detect phenomena of variation in paroemias and try to identify the appearance of various types of variants and their ability to adapt to changing language conditions. Thirdly, cases of reduction of the variable paradigm of paroemia and crystallization of its meaning in the form of the most substantively and formally successful version of the saying. As the analysis shows, some features accompany the process of «survival» of paroemias: some expressions persist to this day in the form already known in the 18th century (The child does not cry – the mother does not understand (Squeaking wheel gets the oil)), others disappear over time (They want brightly, but they squeeze their hands). New components appear in proverbs that specify the image (The old one will not spoil the furrows – The old horse will not spoil the furrow) and clarifying their semantics (Old [raven] does not cut past), there are deviations from the original form in the grammatical form of components (Do not hold one hundred rubles, but hold one hundred friends → Do not have one hundred rubles, but have one hundred friends) and the syntactic structure of the whole (On a beat you get two unbeaten ones → For the beat, two unbeaten are given (Threatened men live long)), etc.

Keywords: proverb, the era of Peter the Great and modernity, variant, motive, idea, semantic development, stability.

For citation: Seliverstova, EI 2023, 'The Fate of the Proverb Ideas and Motives of Peter the Great's Era: Stability and Variation', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 110–117, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-110-117> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena I. Seliverstova* – Professor, Doctor of Sciences in Philology, Professor of the Russian Language Department for Humanities and Natural Sciences of the Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 7-9-11 Universitetskaya embank, St. Petersburg, 199034, Russia.

Введение

Изучение новых явлений в языке Петровского времени как эпохи, отмеченной новаторством в области языка, коснулось и русского паремического фонда. С одной стороны, исследователи связывают Петровскую эпоху с широчайшим потоком заимствований из западных языков – это достаточно традиционное видение хода развития лексического уровня языка того времени – см., в частности, [3], [6], [15] и др. В пословицах же, с одной стороны, обнаруживаются, как отмечает Е. В. Генералова, «яркие маркеры нового времени» – отдельные лексические инновации (*Артемию не кажи академию; Гварнизон стоит всегда под низом*) [4, с. 11]. С другой стороны, будучи единицами народного происхождения, пословицы и поговорки привлекают внимание тем, что «отражают разнообразные явления и реалии жизни того времени» и, по словам В. М. Мокиенко, «берегут языковой дух переломного периода отечественной истории» [7, с. 35].

Составляющая своеобразную языковую подсистему русская паремика находится в постоянном развитии: уходят в небытие устаревшие обороты, уступая место более современным по форме и/или содержанию. Это происходит, если утрачивается связь с событиями и фактами, ставшими когда-то «подосновой» семантики оборотов [14, с. 77]. Однако при этом отдельные паремиологические единицы (ПЕ) не просто сохраняются для потомков, иллюстрируя характер мышления и образного видения окружающего мира нашими предками и позволяя современникам пользоваться этими выразительными средствами. Эволюция выражается и в том, что одно изречение способно со временем дать жизнь целому ряду единиц, выражающих ту же или близкую идею, но нередко иными средствами.

Идея поэтапного сопоставления единиц русского пословичного фонда не нова. Этот подход сравнения материала разных временных срезов использован и издателями собрания «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков» [10; ППЗ], что позволяет показать, как меняется паремика Петровской эпохи в сравнении с единицами собрания В. И. Даля [5; Д.]. А Г. Ф. Благова рассматривает на фоне собраний 30-40-х годов XVIII в., собраний В. И. Даля и И. М. Снегирева пословичный арсенал одного носителя русского языка – с целью охарактеризовать «личный пословичный фонд как важную компоненту народной речевой культуры» [1, с. 170].

В свете сказанного невозможно переоценить труд, вложенный в свое детище авторами-составителями «Большого словаря русских пословиц» [8; БСРП], содержащего более 70 000 паремий. Словарь, нацеленный на то, чтобы показать «концептосферу паремийных образов», позволяет проследить время фиксации отдельных вариантов в соответствующем источнике и наглядно представить все «многообразие лексических и структурных вариантов» паремий [9, с. 510]. Сопоставление вариантов пословиц, приведенных разными собирателями ПЕ, подтверждает «сложность бытования такого явления, как пословица» [там же, с. 511].

Старинные собрания паремий – Петровской галереи, В. Н. Татищева, А. И. Богданова и др. содержат, помимо отдельных исчезнувших из обихода единиц (*Пил бы ты водку из-под лодки; Ярко желают, да руки поджимают; Хотя бы боком, только бы Бог простил* и др.), значительное количество ПЕ, дошедших до наших дней. Среди них есть изречения, не обнаруживающие изменений (ср.: *Гром не грянет – мужик не перекрестится; Дитя не плачет – мать не понимает; На грех мастера нет; Старый друг лучше новых двух* и др.), но также ПЕ с последующими отклонениями от первоначального вида. Это может быть связано с изменением грамматических форм слов-компонентов (*Не держи сто рублёв, а держи сто друзей* → ср. утвердившуюся ПЕ *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; С глупым и нашед – не поделишь* → более поздняя *С глупым и найдешь – не поделишь*), синтаксических структур (*На*

битом два небитых дают → *За битого двух небитых дают; Не обманешь старого воробья на мякину* → *Старого воробья на мякине не обманешь/ не проведешь* и др.).

Если принять совокупность ПЕ Петровской эпохи, зафиксированных такими источниками, как [ППЗ], [12; С], [13; СлРЯ] и др., за точку отсчета в динамических процессах, наблюдаемых в русской паремике вплоть до наших дней, то сопоставление ее с целым спектром вариантных версий, представленных в материалах более поздних словарей – особенно в богатейшем собрании, выпущенном под редакцией В. М. Мокшенико в виде «Большого словаря русских пословиц», – делает очевидными некоторые тенденции, которые мы ниже постараемся осветить.

Результаты

Так, например, происходит появление в составе ПЕ новых компонентов, уравновешивающих ее структуру и проясняющих семантику. Если в старинной ПЕ *Стар борозды не испортит (портит)* (ППЗ) отсутствует указание на субъект, чей опыт позволяет проложить качественную борозду – в нем как будто и нет нужды, – то со временем появляется конкретизирующий образный элемент *конь*, перекликающийся с компонентом *борозда* (*Старый конь борозды не испортит*); тем самым ПЕ укладывается в достаточно типичную четырехкомпонентную структуру; ср.: *Новый веник чисто метет* (ППЗ); *Старый ворон не каркнет мимо; Ретивая лошадь недолго живет; Краденая кобыла дешевле купленной; Голодный волк завёртки рвет; Быстрому коню глубокая яма* (БСРП) и др.

Логичным представляется и утверждение в паремийном пространстве из двух имеющихся в [ППЗ] ПЕ *Не сапог – с ноги не скинешь*, применимого в качестве поговорки к достаточно широкому кругу явлений, и *Жена – не сапог, с ноги не скинешь (не сбросишь)* именно второго варианта, соответствующего традиции в целом и продуктивной модели образования паремий, отрицающих возможность легкого избавления от супруга: *Жена не рукавица/ не лапоть/ не валенок/ не башмак/ не гусли/ не балалайка/ не седло/ не шапка* [БСРП, с. 336-337].

Аналогичным образом в паремиифонде возобладает ПЕ *С миру по нитке – голому рубаха*, потеснив старинную версию *С миру хотя по нитке – одному рубаха* (ППЗ) и несколько видоизменив семантику: подчеркивается нагота нуждающегося. Ср. преобразования в ПЕ: *Сыт голоду не разумеет* (ППЗ) → *Сытый голодного не разумеет/ не поймет*.

Интересно изменение, наблюдаемое в ПЕ *У друга сучок в глазе видишь, а у себя и бревна не чуешь* (ППЗ), где позже – при активном варьировании *сучок/ порошинка/ соломинка/ соринка*, противопоставленных бревну, – в изречении фигурирует практически без исключений компонентом *чужой*: *В чужом глазу соринку видим, в своем бревна/ сучка не замечаем*. Это вызвано, с одной стороны, утратой осознаваемой в слове *друг* семантики 'всякий человек другому, иной' – ср.: *друг другу, друг о друге; Не смейся другу, не изжив веку*, а с другой – упрочением активного паремийного противопоставления своего и чужого в ПЕ разной тематической направленности (*Чужую кровлю кроешь, а своя каплет; Желаячи чужого, своё растерял/ растеряешь* – ППЗ).

При том, что отдельные ПЕ и в источниках Петровского времени располагают некоторым количеством вариантов – словообразовательных, (*Яблочное/ Яблонное семя знает своё время*), лексических (*Отрезав/ Сорвав голову, [да] над волосами плачет/ плачут*), синтаксических (*На худ город/ На худом городе – и Фома дворянин*) и проч., показательно то, насколько так или иная единица за длительное время своего функционирования в языке «обрастает» вариантами, о чем свидетельствуют сегодняшние источники.

Если в [ППЗ] мы находим ПЕ *По Сеньке и шапка* как выражение удовлетворения при констатации закономерного, с точки зрения говорящего, соответствия чего-

л. (обретенного или происшедшего) характеризующему субъекту, то многочисленные более поздние версии демонстрируют: варьирование имени собственного (*По Ереме шапка, по Сеньке кафтан/ колпак; По Афоньке шапка, по Еремке колпак*), умножение частей паремии, когда основной смысл остается по-прежнему вполне определенно выраженным одной частью (*По Сеньке и шапка, по котлу и крышка; По Сеньке шапка, по свинье мешалка, по бабе брага, по Малашке шлык*), изменение структуры ПЕ (*Каков Пахом, такова и шапка на нем*). Интересна обнаруженная у В. И. Даля ПЕ *По Сеньке шапка, по таковскому и колпак*, в которой вторая часть, дублируя структуру первой части, служит раскрытию смысла целого. То есть вариантная парадигма ПЕ, допускающей варьирование, особенно лексическое, со временем лишь расширяется; ср. приведенную в ППЗ ПЕ *Не отведав броду, не мечись в воду* с удивительным спектром последующих вариантных версий: *Не изведавши/ Не измерив / Не испытывав/ Не зная/ Не знаяши/ Не познавши/ Не спросившись/ Не спрося/ Не спросясь/ Не померяв броду...* Однако все эти субституты вполне укладываются в сематическое «ложе» 'незнания' в двухчастном паремийном конденсате «Не узнав/ не зная – не лезь!». Хотя в современном употреблении в качестве императива во второй части утвердился глагол *не суйся*, он часто опускается, поскольку условная по своей семантике начальная часть недвусмысленно указывает на необходимость осведомленности, проявления осторожности, щепетильности и проч. в любой сфере; ср.: *Не зная/ Не спрося броду, ...лезет в огонь и в воду/ нельзя касаться еврейской темы/ таких дров можно наломать/ вляпался в какой-то очень круто заверченный омут/ людей расстреливали* и т.д. (Национальный корпус) .

В [ППЗ] зафиксирована ПЕ *Из песни слова не выкинуть* (ср. вариант в [С]: *Из песни слова не выгородить*), вербализующая мотив невозвратности слова, реализуемый позже в ПЕ с упоминанием и иных жанров устного народного творчества (*Из поговорки/ пословицы/ сказки слова не выкинешь*), что подчеркивает «непоправимость» именно устного слова. Однако семантическое развитие ПЕ идет по пути расширения спектра не поддающихся корректировке явлений: в ПЕ *Быль* ('былое, происшедшее') *не сказка: из нее слова не выкинешь* акцент делается на исторической реальности, которую нельзя подправить, не исказив; здесь, очевидно, сказка воспринимается в сравнении с былью как фантазия, нечто сочиненное и потому недостоверное. Это выражение становится частью более пространных ПЕ, акцентирующих мысль о засидевшихся или нежеланных гостях, которым нельзя отказать в приеме, и, следовательно, поправить ситуацию невозможно: *Из песни слова не выкинешь, а из места гостя не высадишь (из-за стола гостя не выведешь)*.

Важный для говорящих, пусть единожды уже и выраженный, смысл становится стержнем многократных образных вербализаций, отнюдь не ограниченных лексическим варьированием. Идея необратимости сказанного звучит и в двух других старинных ПЕ: *Слово не воробей, а выпустишь – не схватишь* (ППЗ; СлРЯ) и *Сказавши, слово не воротитишь*. И хотя в первой из них используется регулярная в паремике дезидентифицирующая структура [2, с. 110] с образным «отрицающим» элементом, а вторая лишена образной составляющей, обе они соответствуют – если пренебречь характерным для ПЕ образным оформлением – лаконично выраженному смыслу «Сказанного не вернуть», т.е. сводятся в своем содержании к «смысловому конденсату»¹ (причем вторая практически совпадает с ним). Именно это значительно расширяет возможности перевыражения и удвоения в рамках ПЕ одного и того же актуального для говорящих смысла с использованием различных образных мотивов, указывающих на невозможность исправить ситуацию – не подлизать (*Слово выронишь – не подлижешь; Оброненное слово языком не слизнешь*), не втащить крючком/вилами (*Слово выпустишь, так и крючком не втащишь*), не вернуть выпавшего изо рта (*Плевка не перехватишь, слова не воротитишь*), не вернуть в кадык (*Сказанное*

слово в кадык назад не ворочается). Это достаточно типичный пример того, как актуальный и характерный для ментальности определенного этноса смысл тиражируется с применением значительного спектра образных мотивов, использованием различных синтаксических структур, освоенных в сфере функционирования паремий.

Заключение

Таким образом, наш анализ иллюстрирует отмеченную учеными важность вариативности как имманентной черты функционирования пословиц в истории языка. Однако, несмотря на то, что многие ПЕ первой половины XVIII в. обретают со временем структурно-грамматические и лексические варианты, проявлением и залогом активной жизни пословичной идеи является актуальность семантической основы (смыслового конденсата – «Пьяный откровенен», «Свое дороже», «Старого не исправит» и др.), стимулирующая различные образные перевоплощения и многообразие близких по смыслу единиц. Тем не менее, развитие и изменения образной основы пословиц, их компонентного состава, синтаксической структуры и семантики корректируются также требованием смысловой оправданности и доступности содержания (ср. преобразование ПЕ *Борода глазам замена* в более понятную *Борода глазам не замена*) и упрочивающейся и все более осознаваемой паремийной традицией, регламентирующей отбор компонентов, вовлечение отдельных фольклорных мотивов (ср. расширение спектра единиц, вербализующих «обувной мотив» в ПЕ о неизбывной жене; противопоставление сапога лаптю в качестве традиционной образной вербализации социального неравенства – *Не осуди в лаптях – сапоги в саях* (ППЗ)), рифморитмическое и структурное оформление ПЕ (*В лесу рубят, а в мир щепы летят* → *Лес рубят – щепки летят*) и т.д.

Сохранность же в неизменном виде многих единиц Петровского времени подтверждает удивительную способность паремий аккумулировать народную мудрость и передавать ее последующим поколениям говорящих.

Примечания

1. Смысловыми конденсатами мы называем обнаруживаемые в паремиологическом пространстве сгустки ментального свойства, в сжатом виде передающие смысл и во многом объясняющие как легкость взаимозамен компонентов пословицы, так и «тиражирование» синонимичных ПЕ с близкой структурой – например, «Спасибо не накормит», «Глупого не научишь» и др. [11, с. 141–142].

Список источников и литературы

1. Благова Г. Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Вост. лит., 2000. 222 с.
2. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань, 2002. 196 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.
4. Генералова Е. В. Лексикон пословиц петровской эпохи: общая характеристика // Славянская паремиология и паремиография Петровского времени: взаимодействие «Своего» и «Чужого»: колл. моногр. / отв. ред. Х. Вальтер, А. В. Королькова. В. М. Мокиенко, С. И. Николаев. СПб.: СПбГУ; Смоленск: СГУ, 2022. С. 7–12.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с.; Т. 2. 447 с.
6. Истратий В. В. О параллельном употреблении исконных и заимствованных слов в «Ведомостях» петровского времени // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. 13, ч. 3. С. 867–885.

7. Мокленко В. М. Паремнологическое собрание П. К. Симони как исторический источник Петровской эпохи // Лексикография цифровой эпохи : сб. материалов Междунар. симпозиума. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 33–36.
8. Мокленко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
9. Николаева Е. К. Вариантность пословиц в новом большом словаре русских пословиц // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). М.: Элпис, 2008. С. 509–512.
10. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII – XX веков / изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л.: Наука, 1961. 289 с.
11. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. М.: ФЛИНТА : Наука, 2017. 296 с.
12. Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII – XIX столетий. Вып. 1–2. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. 216 с.
13. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. Л.: Наука, 1984–2004.
14. Томашевич Т. И. Об архаизации фразеологизмов (на материале старобелорусского языка) // Актуальные проблемы русской фразеологии : межвуз. сб. науч. тр. Л., 1983. С. 77–81.
15. Ясинская М. Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность (на материале историко-биографической прозы Б. И. Куракина) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ясинская Милена Борисовна. М., 2004. 297 с.

References

1. Blagova, GF 2000, *Poslovitsa i zhizn: Lichnyy fond russkikh poslovits v istoriko-folkloristicheskoy retrospektive*. (Proverb and life: Personal fund of Russian proverbs in historical and folkloristic retrospective), Vostochnaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
2. Bochina, TG 2002, *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits*. (Style of contrast: Essays on the language of Russian proverbs), Kazan. (In Russ.)
3. Vinogradov, VV 1982, *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vekov*. (Essays on the history of the Russian literary language of the 17th – 19th centuries), Vysshaya shkola publ, Moscow (In Russ.)
4. Generalova, EV 2022, 'Leksikon poslovits petrovskoy epokhi: obshchaya kharakteristika' (Lexicon of proverbs of the Peter's era: general characteristic), *Slavic paremiography and paremiography of Petrovsky time: interaction of "Svoy" and "Alien": collective monograph*, ed. by H. Walter, A. V. Korolkova. V. M. Mokienko, S. I. Nikolaev. SPbGU publ, St. Petersburg; Smolensk gos. un-t publ, Smolensk, pp. 7–12. (In Russ.)
5. Dal, VI 1989, *Poslovitsy russkogo naroda* (Proverbs of the Russian people), vol. 1, Khudozhestvennaya literature publ, Moscow. (In Russ.)
6. Istratiy, VV 2017, 'O parallel'nom upotreblenii iskonnykh i zaimstvovannykh slov v «Vedomostyakh» petrovskogo vremeni' (On the parallel use of native and borrowed words in the Vedomosti of Peter the Great's era), *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 13, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, ed. N. N. Kazansky. no 13, part 3. Nauka publ, St. Petersburg, pp. 867–885. (In Russ.)
7. Mokienko, VM 2021, 'Paremiologicheskoye sobraniye P. K. Simoni kak istoricheskiy istochnik Petrovskoy epokhi' (Paremiological collection of P. K. Simoni as a historical source of Peter the Great's era), *Lexicography of the digital era: coll. mater. of International symposium* / ed. E.A. Yurina, S.S. Zemicheva. Tomsk gos. un-t publ, Tomsk, pp. 33–36. (In Russ.)
8. Mokienko, VM, Nikitina, TG & Nikolaeva, EK 2010, *Bolshoy slovar russkikh poslovits* (A large dictionary of Russian proverbs), ed. V.M. Mokienko, OLMA Media Group publ, Moscow. (In Russ.)
9. Nikolaeva, EK 2008, 'Variantnost' poslovits v novom bolshom slovare russkikh poslovits' (Variance of proverbs in the new large dictionary of Russian proverbs), *Frazeologizm i slovo v natsionalno-kulturnom diskurse (lingvisticheskiy i lingvometodicheskiy aspekt)*, 20-22 March 2008, Kostroma, Elpis publ, Moscow, pp. 509–512. (In Russ.)

10. *Poslovitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh XVII – XX vekov*, 1961 (Proverbs, sayings, riddles in manuscript collections of the 17th – 20th centuries) ed. M.Ya. Melts, V. V. Mitrofanova, G. G. Shapovalova, Nauka publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
11. Seliverstova, EI 2017, *Prostranstvo russkoy poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost* (The space of the Russian proverb: constancy and variability), ed. V. M. Mokienko, FLINTA: Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. Simoni, PK 1899, *Starinnyye sborniki russkikh poslovits, pogovorok, zagadok i proch. XVII–XIX stoletiy*. (Ancient collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. 17th – 19th centuries.), no. 1-2, Otdel russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk publ St. Peterburg. (In Russ.)
13. *Slovar russkogo yazyka XVIII v.*, 1984–2004, (Dictionary of the Russian language of the 18th century), no. 1–15, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
14. Tomashevich, TI 1983, *Ob arkhazatsii frazeologizmov (na materiale starobelorusskogo yazyka)* (On the archaization of phraseological units (based on the material of the Old Belarusian language), *Aktualnyye problemy russkoy frazeologii*, Leningrad, pp. 77–81. (In Russ.)
15. Yasinskaya, MB 2004, *Leksicheskiye zaimstvovaniya v Petrovskuyu epokhu i yazykovaya lichnost (na materiale istoriko-biograficheskoy prozy B. I. Kurakina)* (Lexical borrowings in the Peter the Great's era and linguistic personality (based on the historical and biographical prose of B. I. Kurakin), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.03.2023
Одобрена после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 12.03.2023
Approved after reviewing: 24.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023